

«Незаметные приступы счастья»

О нескольких книгах, претендовавших на Всероссийскую Шукшинскую премию

текст **Лариса ВИГАНДТ**

Прежде, чем перейти к шорт-листу, скажу несколько слов о книгах, изданных в Барнауле и рекомендованных для участия в конкурсе советом алтайской организации «Союз писателей РФ». Казалось бы, книга Константина Сомова «К своим: повести о солдатах» стопроцентно «проходная». Но не стоит полагаться на исключительность патриотической темы. Беда книги Сомова в том, что солдатские воспоминания есть, а оригинальной художественной прозы нет. Текст оставляет впечатление уже когда-то читаного.

В тексте много необязательного: разговор в редакции, промоченные ноги, бутылочка пива — какое отношение они имеют к главной теме? Кроме того, читатель постоянно спотыкается о неровности стиля. На первой же странице три неоправданных «было». Автор пренебрегает точными значениями слов, путает родовые и видовые понятия: слово «шорох» не является обобщающим для слов «посвист» и «хруст». Но чаще всего текст грешит лексической избыточностью, что в стилистике определяется термином «плеоназм». Вот самое начало повести: «В комнате было светло. Огромный лунный диск завис в не зашторенном окне, наполняя ее белым неземным светом». Здесь, дабы избежать дублирования смысла, нужно поставить точку после слова «окне». Книга, тем паче о Великой Отечественной войне, требует строгого отбора эпизодов, крепкой композиции, тщательной отделки фразы.

У Валерия Копнинова сложно устроенное повествование, роман в романе — «Двенадцать затмений луны». Как пишет сам автор: «реалистический роман-экзистенция с элементами фантастического реализма и сюрреализма...» На деле — девяностые годы, на их фоне взросление молодого человека, учеба в московском театральном вузе, вечеринки с водкой, постельные сцены, драки, детективные мотивы, рассуждения о политике, поиски смысла жизни, дорога к храму. Свирепый микс, ставший лекалом для книг о девяностых. Их довольно написано, в том числе алтайскими авторами. Анатолий Кирилин, Евгений Скрипин, Михаил Гундарин, Владимир Токмаков давно отметились в этой теме. Для начинающего автора, каким является Валерий Копнинов, — замах серьезный, труд большой. А вот в литературном ремесле автору еще нужно поднатереть. В тексте немало неподъемных предложений. Они тяжелы, как гири, которые подбрасывает в воздух главный

герой. Пример: «Первая сессия ставилась все более и более насыщенной, ожидаемо вместив в себя все оттенки радости и все уровни сомнения благодаря вороху свалившихся на меня новых впечатлений, задач, ранее не стоявших передо мною, и множеству незнакомых людей, вошедших в мою жизнь» (с. 38). Перебор причастных и деепричастных оборотов затрудняет восприятие. Справедливости ради отметим, что в книге есть удачные моменты. Валерий Копнинов хорошо видит сцены, живо выстраивает диалоги — не зря герой Валерия получал театральное образование.

В мой короткий список вошли книги Анастасии Ермаковой, Сергея Филатова, Михаила Шукина. Будь возможность, наделила бы премией каждого из них.

Книга рассказов и повестей «Окна с видом на МКАД» принадлежит перу Анастасии Ермаковой. В ней — наша повседневность. Привычная печаль одиночек. Хроническая усталость семейных. «Страх от ежедневного ощущения печальной хрупкости жизни». Размышления о счастье, смерти, любви. Интересные сильные женщины. Инфантильные мужчины. Выцветающие первые жены. Взрослые люди, помнящие о том, что они брошенные дети. Вопросы: «Почему все так? Почему не так как хотелось бы?»

Автор — женщина, центральная героиня — женщина, проблематика связана с женской судьбой. Кажется, есть все формальные признаки, чтобы отнести творчество Ермаковой к женской прозе. Да нужны ли здесь гендерные тиски? Проза Анастасии Ермаковой универсальна. Рассказы лаконичны и вьедливы. Не так просто не думать о них. Герои Ермаковой настигают и по прочтении. Прямо в родном подъезде встречаю пьяного несчастного соседа — «маленького человека». И с удовольствием читаю в аннотации к книге категоричное мнение автора: «Маленького человека не существует. Жизнь любого из нас достойна того, чтобы написать о ней».

Анастасия Ермакова всегда на стороне своих героев, она их понимает и оправдывает, а самое главное — дает шанс остаться человеком. Собственно, пишет она об одном: любому — пьющему мужчине («Яблоко в тине»), сошедшей с катушек после долгой однообразной жизни толстой женщине («Таис Стамбульская»), одиноким старичкам в доме престарелых и директрисе этого дома,

Анастасия Ермакова

Сергей Филатов

Михаил Шукин

ждушей смерти подопечных ради обладания их квартирами («Точка радости»), — нужны любовь, милосердие или хотя бы немного внимания.

В рассказе «Яблоко в тине» Витя, запойный вонючий мужик, ныряет за ушедшей под воду девочкой, достает бездыханное тельце, делает искусственное дыхание и оживляет ребенка. «Пить в этот вечер Витя не стал». Хорошо еще раз убедиться: человека невозможно расчитать (привет всем нам от Достоевского).

Книга Ермаковой — тот случай, когда можно и хочется говорить о языке писателя. Ее стилю свойственны чуткие определения, пластичные образы: «затвердевшая с годами обида на судьбу» («Тыква»); забор, «напоминавший старческий рот с выпавшими и полуразрушенными зубами» («Яблоко в тине»); «как много еще будет в жизни таких вот незаметных приступов счастья и как мало из них запомнится» («Псевдоним»). А вот знакомые реалии, вызывающие улыбку: «Фестиваль был напыщенно-скучным и бестолково насыщенным, как всегда бывает, когда собирается много графоманов и мало поэтов, теряющихся, будто натуральный жемчуг, нежный, матово светящийся, в груди вызывающе блестящей, безвкусной бижутерии» («Внучка»).

Повезло Анастасии Ермаковой встретить на своем пути замечательных батюшек. Им, переселившимся в рассказы, хочется внимать. От записок деревенского батюшки «не разило мастерством», «но зато ощутимо струился свет, ободряющий и утешающий» («Розовое свечение»). А в рассказе «Некурортное настроение» монах отец Зосима встречает путников: «Приехали! Ну с Богушкой!» И тот же Зосима наставляет, а на самом деле любит вопрошающего и помогает ему жить: «Нужно дожидаться радости, выстрадать ее... Настоящую трудную радость от ощущения своего духовного роста, от постижения мира, его полноты и красоты. Это и есть Божья благодать».

В книге есть повесть «Точка радости». Такую точку учит находить насельников дома престарелых молодой психолог. А старички, в свою очередь, делясь житейской мудростью, помогают ей пережить непростую личную ситуацию. Так и книга Анастасии Ермаковой, вся в целом, дает точку опоры. Потому и хочется оставить ее дома, чтобы порой перечитывать.

Сергей Филатов, наш, из Бийска. В жюри раздавались голоса, де, мрачноват писатель. Он не мрачен. Он не равнодушен и любит Родину. «Макай перо в правду!» — советовал Шукшин. И Филатов следует этому принципу. В аннотации читаем: «В новую книгу прозы Сергея Филатова «Небо на троих» вошли повести и рассказы о развале оборонной отрасли в Сибири, в России, о людях, которые живут в эти разрушительные годы».

Тема «лишних людей» и «лишнего поколения» звучит в рассказах «Сашенька», «Футбол после сорока пяти», «Философия теплотрасс». «Футбол» особенно трагичен. Это рассказ о мальчишках, игравших в одной дворовой команде. После школы ребята пошли в училище и сразу попали в цеха престижных закрытых заводов. Оборонщики, рабочая кость, уважаемые люди. А далее всеобщий развал — и вся команда (и много еще таких по стране) высоких технарей становится безработной. Из созидателей сразу в лишние люди. Не умея пристроиться к новой жизни, они спиваются, умирают молодыми. В рассказе «Философия теплотрасс» читатель встречается с бомжом, которого автор именует «Человек» — с заглавной буквы. Подвальный Человек имеет полку с книгами: Бунин, Достоевский... Нормальные мужики, что при семье, работе, квартире, машине,

заходят в свою трудную минуту к Человеку поговорить, душу облегчить.

Непростые судьбы пишет Сергей Филатов, но честные, излучающие тихий свет. Такова Валентина Сергеевна из рассказа «Накипь». Совестьливый Иса Усманович, построивший православный храм и удостоившийся патриаршей грамоты, из пронзительного рассказа «Чечен». Или вот еще мастер Калина Иванович, после краха оборонного комбината работающий в кочегарке на Гадючем болоте (повесть «Калина Иванович и его кочегары»). На контрасте с «лишними людьми» даются хозяева новой жизни: ликвидаторы, мажоры, бывшие партийные начальники. Обличая их, автор переходит на *appassionato*: «Там где сложнейшее оборудование делали, — ложки да кастрюли теперь штампуют, где заряды для ракетных двигателей вулканизировали, — шампиньоны выращивают».

В Филатовском рассказе «Подать милостыню» появляется дядя Ермолай, герой одноименного рассказа Шукшина. Так жил сrostкинский мужик, что пригодился двум писателям. Филатов записал воспоминание военных лет о нем. Дядя Ермолай нашел жилье в Сrostках для депортированной многодетной немецкой семьи. Однажды пришлось этой семье два дня голодать. «И тогда мать решила продать самое дорогое, что у нас было, — костюм, фуражку и туфли отца. Предложила бригадиру. Тот сначала отказался, а потом вернулся, забрал сверток и привез нам картошку и муку... И потом долго еще возил продукты, как бы рассчитываясь за костюм. Прошло время, и из трудармии вернулся отец. Пришел — кожа да кости. Соседи, узнав про его возвращение, несли, кто что мог. Приехал и дядя Ермолай, привез творог, сметану, еще что-то из продуктов, подбодрил отца... А уходя, отдал матери сверток. Сказал: «Потом посмотришь». Когда мать развернула, в свертке оказались отцов костюм, туфли и фуражка, завернутые в ту же самую тряпку...»

Как все-таки везет писателям с Алтая. Не люди во круг, а живые книги. Какой здесь мрак? Только свет.

Лауреатом Шукшинской премии стал писатель из Новосибирска Михаил Шукин. Главного редактора литературного журнала «Сибирские огни» не надо особо представлять ни московской части жюри, ни барнаульской. Михаил Николаевич хорошо известен в писательском сообществе.

«Ямщина» — остросюжетный исторический роман, сочетающий приключенческую и детективную традиции. Сюжет закручен подобно горному серпантину. Язык — отличный. Богатый сочный словарь, в котором активно и ярко работают утраченные слова, народные присловья. Фраза строится легко, динамично — повествование летит. Читатель увлеченно преодолевает широкие российские просторы — от столицы до Сибири и обратно. До революции еще больше четверти века, но ветра ее уже ощутимы. Кажется, роман охватил весь российский сословный уклад: сибирские купцы и крестьяне, сыщики и каторжники, высший свет и террористы, немецкий ученый, охочий до золота в чудских копях, и строители деревенского храма, цесаревич Николай Александрович и ямщики. Характеры десятков героев вылеплены объемно и живо. Судьбы двух главных — томского купца Тихона Трофимовича Дюжева и офицера Петра Щербатова, даже, кажется, имеют музыкальное звучание. Дюжев — быллинный распев, Щербатов — жестокий городской романс. Во всем у Михаила Шукина — опыт и мастерство. Потому читатель, собиравшийся глянуть книжницу по диагонали, прочитывает ее от начала до конца. Повествование захватывает. ■